* * *

Просвет не светел в пустоте,
где окна гулки в лунном свете.
Луч искажен,
как на кресте,
на неотсвеченном просвете.
Дома тяжелы от песка,
от туч,
сползающих под ноги.

Был острым холод у виска
вот здесь,
на брошенной дороге
среди домов, смотрящих вдаль
пустыми зенками без света.

Ну, вот —
я кончил пастораль
у освещенного просвета
такой обгрызенной луной
над тополями выше крыши.

Дворы так гулки за спиной,
когда вокруг намного тише.
И здесь в песке и щебне мрак
так мягок, бархатист и влажен.

Мы — под горой почти овраг
во мгле,
как в обнимавшей саже.

* * *

Иглами окон зачеркнута даль.
Дальше — конец возле мглы, как у стенки.

К ночи простор вдруг пахнул, как миндаль,
мраком, как пледом, ложась на коленки.

Он, как сугроб, мне согрел бедра мглой.
Ветер удушлив,
недвижим в коленях.
Ночь очень странно,
как горькой золой,
пахнет миндалем в умерших сиренях.

Глыбы домов так невидимы, так!
Эта бесшумна река…
или тело.
Эта стена так похожа на мрак,
непроницаемо тиха и бела.

Вот.
Этот шаг словно канул в песке.
Глохнут парады на желтой ладони.
Ночь так сыра на беззвучной реке,
словно ребенок, плывя на баллоне.

* * *

В руках цветов,
как в синеве,
почти обнявшей нас крылами,
в огне,
как в небе на траве,
перевернувшейся за снами,
вот в этом всем,
как в долгом сне,
вот в этом —
пахнущем гнильцою
я пыль вздымаю на столе,
настолько схожую с пыльцою.

Мне из угла все тянет длань
какой-то сумрачный и строгий.
Он хоронится за герань
вон —
на окне, как на пороге —
как на пороге через синь,
в окно ко мне смотрящей гнило.

Я из окна сникал в полынь
с таким тяжелом духом ила.
А синь все пялилась в окно,
перевернувшись книзу солнцем.
Я спал
и гладил телом дно
за этим сколотым оконцем.

* * *

На нас глядели через окна лампы,
Когда был кончен путь по мостовым.
К нам прислонялись, словно льдины, вампы
на перекрестке, уводящем в дым.

Вокруг был снег, похожий на туманы.
Он налипал на свет, как на стекло.
Я целовал на вашем сердце раны,
ладонью справа обхватив крыло.

Замерзли свечи на седом восходе.
Скользили кошки лапами в снегу.
Мы обнимались в вымерзшей природе
все там же, на вчерашнем берегу.

На вашей шее было пресно, льдисто.
Был так упруг ваш поцелуй мне в рот.
Ваш снег звенел похоже на монисто,
ссыпаясь крошкой вниз на небосвод.

* * *

Холода подступают снизу —
Там,
где темень среди воды,
где над черным,
снимая ризу,
нам шептали из лебеды.

Тянет, тянет с щелей поземкой.
Снег по полу от сквозняка.
Этим плачем,
как белой пленкой,
заслоняемся от зрачка

под шаги из пространства в угол —
здесь нас ждут, шелестя, часы,
здесь прохладно от плача пугал,
опрокинутых на весы.

Плащ-палатка повязкой прела.
Перегнулась струна на штрих.
Очень страшно вблизи у тела,
непрозрачного возле них.

А пружины скрипят под ночью.
Тихо-тихо, когда рассвет.
Вот — пора,
мы видны воочью
через холод,
сквозь тень и свет.